

стическая и рекреационная сфера нашего государства должна освоить формы, методы, приемы развития соответствующих услуг, которые в мировой индустрии туризма уже созданы. Попадая в современные гипермаркеты, житель Краснодара или Адыгейска окунается в торговое, маркетинговое, развлекательное, рекреационное пространство мировых брендов – островок реальной и виртуальной глобализации на местной территории. В этом случае он ощущает, что глобализация тогда, когда она становится «своей», очень даже не страшна. Однако это не означает, что глобализация лишена «коварства».

Таким образом, бренды являются средствами семиотического позиционирования акторов глобальной экономики в мировом информационном пространстве – ноосфере. Философия брендинга как медиафилософия есть идеология позиционирования и продвижения субъектов и акторов глобальной активности в ноосфере. Брендирование, как технология деятельности, нацелено на то, чтобы в рамках символической экономики быстро и эффективно удовлетворять потребности людей, распределять товары и услуги по миру, попутно создавая благосостояние и прибыль и распределяя их по миру. Системный подход к брендированию позволяет преодолевать недостатки конкуренции, создавая многосторонний образ продукта.

Литература

1. Булина А.О. Бренд территории как ключевой фактор ее развития // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2013. № 5.
2. Gitsenko V. "East - West" as the Russian and global dilemma and the problem of synthesis of civilizations // The Rise of the Asian Century: Trends in Asian and Christian Philosophy for building a just and sustainable world. Asian Association of Christian Philosophers Annual Conference (10-11 April 2013). Ateneo de Manila University, Quezon City, Philippines.
3. Тимофеев М.Ю. Города и регионы России как (пост)индустриальные бренды // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2013. № 5.
4. Докучаев Д.С. Регион как социальная система // Арктика и Север. 2012. № 7.

References

1. Bulina A.O. Territory brand as key factor of her development// Labirint. Zhurnal social'no-gumanitarnyh issledovaniy. 2013. No. 5.
2. Gitsenko V. "East - West" as the Russian and global dilemma and the problem of synthesis of civilizations//The Rise of the Asian Century: Trends in Asian and Christian Philosophy for building a just and sustainable world. Asian Association of Christian Philosophers Annual Conference (10-11 April 2013). Ateneo de Manila University, Quezon City, Philippines (en.).
3. Timofeev M.Yu. Cities and regions of Russia as (post) industrial brands// Labirint. Zhurnal social'no-gumanitarnyh issledovaniy. 2013. No. 5.
4. Dokuchayev D.S. Region as social system// Arktika i Sever. 2012. No. 7.

УДК 291.1

С.Н. БОРИСОВ, Я.М. ОСЫКА

САКРАЛЬНОЕ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ: ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ И ГРАНИЦЫ ПОНИМАНИЯ

Борисов Сергей Николаевич, доктор философских наук, проректор по научно-исследовательской и инновационной деятельности Белгородского государственного института искусств и культуры (Белгород, ул. Королева, 7), snborisov31@gmail.com

Осыка Яна Михайловна, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета (Белгород, ул. Победы, 85), Osyika@bsu.edu.ru

Аннотация. В статье анализируется история концепта сакрального в философии религии и религиоведении. Выявлено, что исследования сакрального оперируют двояким его понимаем: 1) сакральное как

онтологический феномен, отражающий некоторую сверхъестественную реальность проявляющуюся посредством репрезентации; 2) сакральное как конструкт, который возникает в рамках религиозно-дискурсивного дискурса или на уровне представлений частных и коллективных.

Ключевые слова: сакральное, религия, религиозиеведение, культура, конструкт, феномен.

UDC 291.1

S.N. BORISOV, Y.M. OSYKA

THE SACRAL IN MODERN CULTURE: SOME APPROACHES TO THE DEFINITION AND THE BOUNDARIES OF UNDERSTANDING

Borisov Sergey Nikolaevich, Full Doctor (philos.), Vice rector of scientific research and innovative activity of Belgorod State University of Arts and Culture (Belgorod, Korolev str., 7), snborisov31@gmail.com

Osyka Yana Mikhailovna, Ph.D (philos.), senior lecturer of the Department of philosophy and theology of Belgorod state national research University (Belgorod, Pobedy str., 85), Osyika@bsu.edu.ru

Abstract. The article examines the history of the concept of the sacral in the philosophy of religion and religious studies. It was revealed that there are two variants of sacral understanding in researches: 1) the sacral as an ontological phenomenon that reflects some supernatural reality manifested through representation; 2) the sacral as a construct that occurs within religious studies discourse or at the level of individual and collective representations.

Keywords: sacral, religion, religious study, culture, construct, phenomenon.

Вне всякого сомнения, феномен сакрального следует относить к фундаментальным проблемам культуры. Различия, через которые культура определяется, находятся в непосредственной связи с данным феноменом или же соотносятся с ним, соседствуют в одном или родственном поле. Так, разделение культуры на традиционную и современную связано с оппозицией сакрального и секулярного, тогда как сама традиционная культура нередко представляется через категории сакрального и профанного. Сам концепт сакрального включает не только приведенные оппозиции, но также религиозное и светское, феномен власти и политики, легитимности, идентичности, затрагивает актуальные проблемы сущности человека и природы социального.

Вместе с тем, несмотря на такое явное присутствие сакрального в целом ряде фундаментальных проблем, определенность его самого не является достаточно однозначной, да и сама дискуссия о нем всегда включена в определенный контекст, не всегда очевидный. Таким образом, мы предполагаем, что в нашем исследовании возможно обращение прежде всего к анализу концепта сакрального, а затем к феномену сакрального. В итоге мы должны прийти к пониманию не только основных подходов к определению сакрального, но также того дисциплинарного пространства, в котором сакральное распознается и в котором оно соседствует с другими концептами и понятиями, а также попытаемся оценить, насколько предлагаемые определения и их связи соотносятся с непосредственной практикой, феноменами современной культуры.

История рассмотрения сакрального сквозь призму бинарных оппозиций, и прежде всего противопоставления сакрального профанному, но также противопоставления внутри самого священного довольно давняя. С.Н. Зенкин отмечает этот аспект у Эмиля Бенвениста, который через разделение *sacer* и *sanctus*, выражает две стороны священного. Тем самым наряду с оппозицией сакрального и профанного, внутри самого сакрального, выделяется еще *sacer* – независимая от человека и неподвластная ему губительная, опасная сила, а также *sanctus* – относящееся к сфере человеческого установления, санкции, предписания [2, с. 23].

Здесь необходимо обратить внимание на удвоение оппозиций, которые и в других концепциях сакрального будут определяющими, поскольку центральное противопоставление сакрального профанному дополняется амбивалентностью самого сакрального. Бенвенист делит его на «чистое» и «нечистое», «благое» и «губительное», хаотичное, не освоенное человеком и неподконтрольное ему и санкционированное, институционально оформленное. Иную топологию сакрального мы находим у М. Элиаде, который преимущественно в пространственных

категориях определяет сакральное через противопоставление ему профанного. В работе «Священное и мирское» М. Элиаде уже в самом начале определяет сакральное как противоположное мирскому, за которым скрывается противопоставление также двух мировосприятий, человека религиозного и современного, поскольку архаика отождествляется с переживанием сакрального, а современность с неспособностью такого специфического восприятия реальности [10, с. 18]. Онтологические характеристики сакрального М. Элиаде только намечает. Они раскрываются через оппозицию архаики и современности, где архаическое связано с сакральным, а современность с профанным. Однако, упоминая исследование Р. Отто, Элиаде только обращается к феноменологии сакрального, но сам определяет сакральное через оппозицию профанному: «... это то, что противопоставлено мирскому» [10, с. 17]. В современной ситуации профанного мировосприятия, если согласиться с автором, мы лишены возможности соприкосновения с сакральным и его понимания, если находимся вне религиозного переживания и опыта иерофании, явления «совершенно другого», «ganzandere». Видимо поэтому позиция самого Элиаде очевидно внешняя, сакральное эксплицируется на материале преимущественно религиозноведческом и антропологическом. Сакральное здесь есть некие представления, суть которых скрыта от глаз ученого, но внешним образом фиксируется в феноменах социальных.

Другой подход представляет Рудольф Отто, который уже в начале своей работы «Священное» постулирует тезис о священном как феномене, зарождающемся в сфере религиозного и только выходя из нее, оно приобретает смыслы моральные и нравственные. Отто критикует их, отмечая, что отождествление священного и блага является ложным, а потому необходимо понятие нуминозного, производное от *nimen*. Нуминозное раскрывается через «моменты», которые представляют собой описание переживаний и «чувства тварности» в частности, описание которого носит феноменологический характер и довольно проблематично передается посредством понятий и вообще языка науки [4, с. 18].

Другие аспекты нуминозного столь же трудноопределимы и сложны для понимания и описания вне религиозного опыта. Например, *mysterium tremendum* как переживание таинственного трепета, страха, волнения, экстаза и ужаса, охватывает широкий спектр эмоций. Важно то, что все они иррациональны, разум не только не фиксирует их, но даже не способен к их восприятию. Язык отказывает в описании опыта нуминозного и может его передавать лишь приблизительно. Отто говорит об этом в описании всех моментов своего понятия. Само иррациональное определяется им как то, что находится вне понятийной определенности, то, что сопротивляется понятийному определению.

В сравнении М. Элиаде и Р. Отто мы находим два принципиально разных подхода к определению и пониманию сакрального. Они могут быть обозначены как внешний и внутренний или раскрывающий сакральное через проявления в социальной реальности и некоторым образом онтологизирующий сакральное. Последний подход представлен феноменологией религии, и сакральное в нем действительно является прежде всего онтологическим феноменом. Другой вопрос, что сакральное трудноопределимо понятийно. В другом подходе природа сакрального раскрывается через социальное, поскольку выявляется через социальные феномены. В наиболее радикальной трактовке можно понимать сакральное через эти проявления, через оппозиции.

Отметим, что мы не стремимся к хронологическому рассмотрению истории сакрального, а ставим задачу выявления подходов к его определению. В этой связи обращения к работам М. Элиаде и Р. Отто достаточно репрезентативны. Но чтобы подкрепить наши выводы, продолжим наш небольшой обзор концепций сакрального. Французский ученый Р. Кайуа почти дословно повторяет слова М. Элиаде о сакральном, отмечая, что почти единственное определение сакрального состоит в противопоставлении его профанному. Со ссылкой на Ж. Дюмезиля, М. Мосса, А. Юбера Кайуа определяет сакральное через противопоставление профанному и раскрывается через систему запретов (табу), но также говорит о сакральном как «категории чувствительности». И далее мы находим уже неявное противопоставление в самом сакральном между чувством и поведением, как раз внешним и внутренним, которое мы выявили ранее. Причем внутренне неопределимо, как это показал уже

Отто, а внешнее подобно энергии мистической субстанции способно переходить от объекта к объекту, как описывает это Кайуа [3, с. 152].

При всей таинственности и загадочности сакрального, которое само по себе скрыто, оно раскрывается через категорию запрета или табу. Однако с понятием табу все далеко не однозначно, поскольку оно сохраняет противоречие, свойственное самому сакральному. Табу как запрет, мотивированный сакральным, есть верование и предписание не совершать некоторый поступок. Дж. Фрезер в «Золотой ветви» дает классификацию различных табу, среди которых табу на общение с иноплеменниками, связанный с тем, что чужие представляют опасность для аборигенов, а также для самих чужих [9, с. 191]. Пищевые табу, регламентирующие процесс приема пищи. Табу на обнажение лица, выход из жилища, табу на остатки пищи, распространяющиеся на вождей и правителей, табу носящих траур женщин в период менструации и родов, табу, налагаемые на воинов, убийц, охотников и рыболовов [9, с. 216].

В этой работе Фрезер ясно говорит об отсутствии деления морального между двумя полюсами сакрального для архаических культур. Сакральное святое и скверное не делится на плохое и хорошее, а представляет собой только бинарную структуру, такую же, как деление на сакральное и профанное. Внешним образом эта структура только система различий. Фрезер также говорит о ней как о воображаемом. Мы вернемся к этой идее несколько позже, чтобы не уйти от явного вывода, состоящего в том, что сакральное, объясняемое через табу, практически ничего не дает, кроме возврата к исходной дилемме между религиозным чувством и поведением или внутренним и внешним.

Практически о том же пишет Талал Асад [6, с. 65]. И если феноменологические определения обращаются к опыту, а антропологические к табу, которое само определяется через санкцию и сакральное, то получается логический круг. Вне его существуют другие концепции табу и сакрального, также соглашающиеся, что сакральное есть запрет, однако толкование запрета несколько иное. Например, в известной работе основателя психоанализа «Тотем и табу» Зигмунда Фрейда мы находим такое резюме теорий сакрального и связанного с ним табу: «Запрещения большей частью касаются стремления к наслаждению... В основе всех этих запрещений лежит, как представляется, своего рода теория: будто запрещения необходимы потому, что некоторым лицам и вещам свойственна опасная сила, передающаяся при прикосновении к заряженному ею объекту почти как зараза» [8, с. 43-44]. Это обобщение различных трактовок табу, понимание которых приводит в замешательство Фрейда. Однако он считает, что архаические запреты, при всех заявлениях множества авторов в пользу их мистической природы, недоступной для современного светского человека, не так уж непознаваемы. Современный человек сталкивается с множеством запретов, как пишет Фрейд, «категорических императивов», явно подразумевая философию Канта и его обоснование права, и они родственны древним табу. Основатель психоанализа предлагает использовать методологию психоанализа ввиду явного сходства табу и такого феномена психической жизни, как навязчивые запреты. Среди возникающих параллелей боязнь прикосновения, ритуализация поведения, выражающаяся в «церемониале», отношение к объектам как к «заразе», ограничения, налагаемые на поведение и обращение с объектами [8, с. 52-54].

А также возникшая комбинация влечения и запрета формирует амбивалентное отношение к объекту, который одновременно является желаемым и запретным, так же как и сакральный объект, обладающий качествами благодати и скверны. Более того, Фрейд предлагает объяснение и другой характерной черты сакрального способностью «вселяться», переходить с объекта на объект. Тот же самый объект желания и запрета в терминологии психоанализа получает название «частичный объект», так как он не может удовлетворить влечение, но и не может быть «окончательно» запрещен [8, с. 57]. Таким образом, для Фрейда табу представляет собой запрет. Проводимые параллели между невротиками и древними людьми, возможно, не всегда уместны и очевидны, сам автор это признает, но, по сути, содержанием табу является невротическое движение, подавление влечения.

Если же пойти далее, то от феномена табу можно перейти к сакральному, которое также в рамках психоанализа предстает феноменом психической жизни. И теперь мы можем вернуться к ранее обозначенной идее, найденной у Фрезера о воображаемом характере сакрального. Безусловно, сам Фрезер был далек от психоанализа, как и признания сакрального

феноменом психической жизни. Но при отрицании мистического, сверхъестественного содержания в нем оно наполняется иным содержанием, психологическим в том числе. И не только психологическим, но также символическим. Здесь, как нам представляется, возможен переход от «внешней» парадигмы в рассмотрении сакрального, к «внутренней». Говоря иначе, от антропологии сакрального, французской школы структурной антропологии, психоанализа, всех тех концепций, которые ничего не говорят о сакральном как сверхъестественном, мы приходим к табу. Табу или система запретов опять-таки внешним образом представляет собой не только действие, но также слово. А в психоанализе слово прежде всего, подтверждением чему служат слова Ж. Лакана о том, что «Святой Дух есть вхождение означающего в мир» [1]. Возможно, еще более очевиден переход от феноменологии религии к пониманию сакрального через концепт символического. Уже у Элиаде сакральное являет себя через иерофанию. Отто обозначает его через понятие нуминозного от *nimen* – имя. В итоге концепт символического оказывается точкой схождения подходов и частично даже местом совпадения содержания в исследовании сакрального.

В том числе в трактовке символического как сложившейся совокупности репрезентации реальности, устойчивой системы означивания всего, мира в целом. В таком контексте столкновение культурных миров и времен создает критическую исследовательскую позицию в изучении сакрального, которое также может быть конструктом. В отличие от феноменологии религии, в которой сакральное имеет трудновыразимое, но вполне реальное содержание, существует множество других теорий и концепций, которые рассматривают сакральное именно как конструкт или определенный дискурс, дискурс сакрального. Э. Саид в известной работе «Ориентализм» подобным образом определяет, казалось бы, объективный объект – Восток [5, с. 8]. Ориентализм оказывается специфическим дискурсом, который создает конструкт – Восток. Схожим образом мы можем говорить и о сакральном, исследуя его с позиции интеллектуальной истории или конструкта, который возникает в совершенно определенных условиях. С этой точки зрения сакральное есть произведенный конструкт, который служит определенным целям, подобно дискурсу ориентализма у Э. Саида [5, с. 10-11].

И так же как дискурс ориентализма есть своеобразная надстройка, отражение реальных отношений господства (Европы над Востоком), так и конструкт сакрального следует поместить в аналогичный контекст. Помимо этого, как и ориентализм, сакральное не есть «голый» конструкт или просто вымысел, не имеющий реального содержания. Это, выражаясь словами самого Саида, «тело теории и практики», система реально существующих знаний и практик. И снова, проводя параллели между ориентализмом и дискурсом сакрального, конструкт сакрального не является только описанием иного, некоторых традиционных обществ, которые канули в Лету, исчезли под напором западноевропейской индустриальной цивилизации, но также сакральное применимо для описания себя, собственно европейского положения дел и определения себя, своей культуры. С этой позиции, с учетом идеи гегемонии, культурного превосходства, конструкт сакрального появляется как попытка собственной рефлексии по отношению к своему прошлому в работах уже упоминавшегося нами Дж. Фрезера (и не только его). Включается в объяснительные стратегии антропологии и других наук, производящих знание об иных культурных мирах, чуждых Европе. Концепт сакрального занимает в них значимое место. Вопрос в том, не потому ли его смысловая наполненность столь бедна, что скрывается именно этот момент культурной гегемонии. За минусом аспекта власти, в том числе и возможности говорить, определять нечто в качестве сакрального, возможности выявлять его везде и, напротив, лишая его, сакральное остается категорией утраченного религиозного опыта (Р. Отто, например) или мистифицируется (Ж. Батай), подобно тайному элементу культурной жизни.

Литература

1. Жижек С. Кукла и карлик: христианство между ересью и бунтом. М., 2009.
2. Зенкин С. Небожественное сакральное: Теория и художественная практика. М., 2012.
3. Кайуа Р. Праздник // Коллеж социологии. 1937 - 1939. СПб.: Наука, 2004. С. 418 - 449.
4. Отто Р. Священное. СПб., 2008.
5. Саид Э. Ориентализм. Западные концепции востока. СПб., 2006.

6. Талал А. Что могла бы представлять собой антропология секуляризма? // Логос. №3. 2011.

7. Фрейд З. Тотем и табу. СПб., 2005.

8. Фрэйзер Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. М., 2001.

9. Элиаде М. Священное и мирское. М., 1994.

References

1. Zhizhek S. Kukla i karlik: khristianstvo mezhd u eres'yu I buntom [The Puppet and the Dwarf: The Perverse Core of Christianity]. М., 2009.

2. Zenkin S. Nebozhestvennoe sakral'noe: Teoriya i khudozhestvennaya praktika [Undivine sacred: the Theory and practice of art]. М., 2012.

3. Kaiua R. Prazdnik [Celebration]/Kollezh sotsiologii 1937 - 1939. SPb.: Nauka, 2004. Pp. 418 - 449.

4. Otto R. Svyashchennoe [Das Heilige]. SPb., 2008.

5. Said E. Orientalizm. Zapadnyekontseptsiiivostoka [Orientalism, the West's patronizing perceptions and fictional depictions of «The East»]. SPb., 2006.

6. Talal A. What could be the anthropology of secularism ?// Logos. №3. 2011.

7. Freyd Z. Totem I tabu [Totem and Taboo]. SPb., 2005.

8. Frezer Dzh. Zolotaya vetv': Issledovanie magii I religii [The Golden Bough : A Study of magic and religion]. М., 2001.

9. Eliade M. Svyashchennoe i mirskoe [Sacred and profane]. М., 1994.

УДК 304.444

М.П. ЛАЗАРЕВ

ВЫБОР ТЕРРИТОРИИ: ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ И ЗАКРЕПЛЕНИЯ ОБРАЗОВ МЕСТ

Лазарев Максим Петрович, аспирант кафедры теории и прагматики культуры Гуманитарно-социального института (Московская обл., Люберецкий р-н, пос. Красково, ул. К. Маркса, д. 117), zw1492@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается проблематика, связанная с процессом функционирования образов территорий в нашем сознании: как осуществляется выбор территории для посещения или проживания; как на наш выбор влияет предыдущий прямой или опосредованный опыт; как происходит закрепление или пересборка образа территории.

Ключевые слова: образ места, бренд территории, разрыв между воображаемым и реальным образом места, пересборка образа, опыт места, мим.

UDC 304.444

M.P. LAZAREV

THE CHOICE OF PLACES: PERCEPTION AND STORING SPECIALTIES OF PLACE IMAGES

Lazarev Maxim Petrovich, postgraduate of Human social institute (Moscow region, Lyubertsy district, village Kraskovo, Karl Marx str., 117), zw1492@gmail.com

Abstract. The issue of place images function in our conscious is researched in this article. The choice of place for visiting or living, keeping in our memory and reassembling of place images, impacts on our choice past real and mediate experience are examined it this article.

Keywords: place image, territory brand, image vacuum, image reassembling, experience of place, mim.

Любое действие представляет собой выбор в результате столкновения побуждения (мотивация достижения успеха) и торможения (мотивация избегания неудач), причем выбор может производиться как сознательно, так и неосознанно. Процесс побуждения инициируется